

Д Ж О Р Д Ж О Р У Э Л Л

СКОТНЫЙ ДВОР

Джордж Оруэлл
Скотный двор

«АРДИС»

1944

Оруэлл Д.

Скотный двор / Д. Оруэлл — «АРДИС», 1944

В сатирической повести-притче, изданной английским писателем Джорджем Оруэллом в 1945 году, показана эволюция состояния животных, изгнавших со скотного двора его предыдущего владельца, от идей всеобщего равенства и построения утопии к диктатуре и тоталитаризму. «Скотный двор» — притча, аллегория на революцию 1917 года и последующие события в России. Повесть-сказка написана очень простым языком. По воспоминаниям, задумав «Двор», Оруэлл сказал жене что хочет сделать прозрачный, легко переводимый на другие языки текст. В первую очередь, на русский.

© Оруэлл Д., 1944

© АРДИС, 1944

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джордж Оруэлл

Скотный двор

Глава I

Мистер Джонс с фермы «Усадьба» запер на ночь курятники, но был слишком пьян, чтобы помнить о том, что надо заткнуть дыры. При свете фонаря, пляшущем из стороны в сторону, он, пошатываясь, пересек двор, сбросил сапоги у задней двери, налил себе последний стакан пива из бочонка в буфетной и направился к кровати, где уже похрапывала миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, во всех хозяйственных постройках началось шевеление и трепетание. Ещё днём пошли слухи, что старый Майор, кабан – медалист породы «средняя белая», прошлой ночью видел странный сон и хочет рассказать о нём другим животным. Они договорились встретиться в большом сарае, как только мистер Джонс благополучно уберется с дороги. Старый Майор (так его всегда называли, хотя имя, под которым его выставляли, было «Краса Виллингдона») пользовался на ферме таким уважением, что все были готовы потерять час сна, лишь бы услышать, что он скажет.

В дальнем конце большого сарая, на возвышении, на соломенной подстилке под фонарем, свисавшим с балки, устроился Майор. Ему было двенадцать лет, и в последнее время он несколько располнел, но всё ещё оставался величественной свиньей, выглядевшей мудро и доброжелательно, несмотря на то, что его клыки никогда не подпиливались. Вскоре начали прибывать и другие животные, устраиваясь поудобнее, каждое на свой манер. Первыми появились три собаки – Блюбелл, Джесси и Пинчер, а за ними свиньи, которые расположились на соломе прямо перед помостом. Куры взгромоздились на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись жевать жвачку. Две ломовые лошади, Боксёр и Клевер, вошли вместе, ступая очень медленно, осторожно опуская свои огромные волосатые копыта, чтобы не раздавить какое –нибудь маленькое животное, спрятавшееся в соломе. Клевер была крепкой кобылой, приближающейся к среднему возрасту, которой так и не удалось полностью восстановить свою фигуру после четвертого жеребёнка. Боксёр был огромным конём, почти восемнадцати ладоней в высоту, и таким же сильным, как любые две обычные лошади вместе взятые. Белая полоска на носу придавала ему несколько глуповатый вид, да и вообще он не отличался выдающимся умом, но все его уважали за твёрдость характера и огромную работоспособность. За лошадьми шли Мюриэль, белая коза, и Бенджамин, осёл. Бенджамин был самым старым животным на ферме и самым вспыльчивым. Он редко говорил, а когда говорил, то обычно отпускал какое –нибудь циничное замечание – например, говорил, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но что лучше бы не было ни хвоста, ни мух. Единственный среди животных на ферме, он никогда не смеялся. Если бы его спросили, почему, он ответил бы, что не видит ничего смешного. Сам того не сознавая, он был предан Боксёру; они обычно проводили вместе воскресенья в маленьком загоне за садом, паслись бок о бок и никогда не разговаривали.

Обе лошади только улеглись, когда выводок утят, потерявших свою мать, забежал в сарай, слабо пописывая и тыкаясь туда – сюда, чтобы найти место, где их не затопчут. Огромной передней ногой Клевер соорудила вокруг них что – то вроде стены, и утята, уютно устроившись за ней, быстро заснули. В последний момент в сарай грациозно вошла, жуя кусочек сахара, Молли, глупая хорошенькая белая кобыла, которая таскала двуколку мистера Джонса. Она заняла место впереди и принялась поигрывать белой гривой, надеясь привлечь внимание к красным лентам, вплетённым в неё. Последней пришла кошка, которая, как обычно, огляделась в поисках самого теплого места и наконец втиснулась между Боксёром и Клевер; там она

довольно мурлыкала на протяжении всей речи Майора, не слушая ни слова из того, что он говорил.

Теперь все животные были здесь, кроме Моисея, ручного ворона, который спал на жердочке за задней дверью. Когда Майор увидел, что все устроились поудобнее и внимательно ждут, он откашлялся и начал:

– Товарищи, вы уже слышали о странном сне, который я видел прошлой ночью. Но я вернусь к этому сну позже. Сначала я хочу сказать кое – что ещё. Я не думаю, товарищи, что пробуду с вами ещё много месяцев, и перед смертью считаю своим долгом передать вам ту мудрость, которую приобрел. Я прожил долгую жизнь, у меня было много времени для размышлений, когда я лежал один в своем стойле, и я думаю, что могу сказать, что понимаю природу жизни на этой земле не хуже, чем любое животное, живущее сейчас. Именно об этом я и хочу с вами поговорить.

– Итак, товарищи, какова природа этой нашей жизни? Давайте посмотрим правде в глаза: наша жизнь несчастна, тяжела и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько пищи, чтобы поддерживать дыхание в наших телах, и тех из нас, кто способен на это, заставляют работать до изнеможения; и в тот самый момент, когда наша полезность подходит к концу, нас убивают с отвратительной жестокостью. Ни одно животное в Англии не знает счастья или досуга после того, как ему исполнится год. Ни одно животное в Англии не свободно. Жизнь животного – это страдание и рабство: это простая истина.

– Но разве это просто часть естественного порядка вещей? Потому ли, что наша земля так бедна, что не может обеспечить достойную жизнь тем, кто на ней живёт? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Почва Англии плодородна, климат благоприятен, она способна в изобилии давать пищу несравненно большему числу животных, чем ныне населяет её. Одна эта наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец – и все они жили бы в комфорте и достоинстве, которые сейчас почти за пределами нашего воображения. Почему же тогда мы продолжаем пребывать в этом жалком состоянии? Потому что почти все продукты нашего труда украдены у нас людьми. Вот, товарищи, ответ на все наши проблемы. Он выражается в одном – единственном слове – человек. Человек – единственный настоящий враг, который у нас есть. Уберите человека со сцены, и коренная причина голода и переутомления будет устранена навсегда.

– Человек – единственное существо, которое потребляет, не производя. Он не дает молока, не откладывает яиц, он слишком слаб, чтобы тянуть плуг, он не может бегать достаточно быстро, чтобы поймать кроликов. И всё же он – повелитель всех животных. Он заставляет их работать, отдает им тот минимум, который не даст им умереть с голоду, а остальное оставляет себе. Наш труд возделывает землю, наш навоз удобряет её, и все же ни один из нас не владеет ничем, кроме своей шкуры. Вы, коровы, которых я вижу перед собой, сколько тысяч галлонов молока вы дали за этот последний год? И что же случилось с тем молоком, которое должно было бы вскормить крепких телят? Каждая его капля попала в глотки наших врагов. А вы, куры, сколько яиц вы снесли за последний год, и сколько из этих яиц вылупилось цыплят? Все остальные отправились на рынок за деньгами для Джонса и его людей. А ты, Клевер, где те четыре жеребенка, которых ты родила и которые должны были стать опорой и радостью твоей старости? Каждый был продан в годовалом возрасте – вы никогда больше не увидите ни одного из них. В обмен на твои четыре беременности и весь твой труд в поле, что ты когда – либо имела, кроме скудного пайка и стойла?

– И даже те жалкие жизни, которые мы ведем, не могут достичь своей естественной продолжительности. За себя я не ропщу, ибо я один из счастливчиков. Мне двенадцать лет, и у меня было более четырехсот детей. Такова естественная жизнь свиньи. Но ни одно животное в конце концов не избежит жестокого ножа. Вы, молодые свиньи, сидящие передо мной, каждый из вас будет кричать о своей жизни, вися на блоке в ближайший год. К этому ужасному концу

мы все должны прийти – коровы, свиньи, куры, овцы, все. Даже лошадей и собак ждёт не лучшая участь. Тебя, Боксёр, в тот самый день, когда твои могучие мускулы потеряют свою силу, Джонс продаст живодеру, который перережет тебе глотку и сварит для гончих. Что касается собак, то, когда они становятся старыми и беззубыми, Джонс привязывает им на шею кирпич и топит в ближайшем пруду.

– Разве не ясно, товарищи, что всё зло нашей жизни происходит от тирании людей? Только избавьтесь от человека, и продукт нашего труда будет нашим собственным. Почти за одну ночь мы могли бы стать богатыми и свободными. Что же нам тогда делать? Трудитесь день и ночь, душой и телом для уничтожения рода человеческого! Вот вам моё послание, товарищи: восстание! Я не знаю, когда произойдет это восстание, может быть, через неделю или через сто лет, но я знаю так же точно, как вижу эту солому под ногами, что рано или поздно справедливость восторжествует. Сосредоточьте на этом свой взор, товарищи, на протяжении всего короткого остатка вашей жизни! И прежде всего, передайте это моё послание тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения продолжали борьбу до тех пор, пока она не станет победоносной.

– И помните, товарищи, ваша решимость никогда не должна поколебаться. Никакие доводы не должны сбивать вас с пути истинного. Никогда не слушайте, когда вам говорят, что у человека и животных есть общие интересы, что процветание одного – это процветание других. Все это ложь. Человек не служит интересам ни одного существа, кроме самого себя. И среди нас, животных, пусть будет совершенное единство, совершенное товарищество в борьбе. Все люди – враги. Все животные – товарищи.

В этот момент раздался страшный грохот. Пока Майор говорил, четыре большие крысы выползли из своих нор и сидели на задних лапах, слушая его. Собаки внезапно заметили их, и только стремительный рывок к своим норам спас крысам жизнь. Майор поднял копыто, призывая к тишине.

– Товарищи, – сказал он, – вот вопрос, который должен быть решен. Дикие животные, такие как крысы и кролики – наши друзья или враги? Давайте поставим его на голосование. Я предлагаю этот вопрос собранию: являются ли крысы товарищами?

Голосование было проведено сразу же, и подавляющее большинство согласилось, что крысы – товарищи. Несогласных было всего четверо – три собаки и кошка, который, как выяснилось впоследствии, голосовала за оба предложения. Майор продолжал:

– Мне больше нечего сказать. Я просто повторяю: всегда помните о своём долге вражды к человеку и всему, что с ним связано. Всякий, кто ходит на двух ногах, – враг. Всякий, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, – это друг. И помните также, что в борьбе против человека мы не должны уподобляться ему. Даже когда вы победили его, не принимайте его пороки. Ни одно животное не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, пить алкоголь, курить табак, прикасаться к деньгам или заниматься торговлей. Все привычки человека – зло. И самое главное, ни одно животное не должно тиранить себе подобных. Слабые или сильные, умные или простые – все мы братья. Ни одно животное не должно убивать других животных. Все животные равны.

– А теперь, товарищи, я расскажу вам о моем вчерашнем сне. Я не могу описать вам этот сон. Это был сон о земле, какой она станет, когда исчезнет человек. Но это напомнило мне о чём – то давно забытом. Много лет назад, когда я был маленьким поросенком, моя мать и другие свиноматки пели старую песню, из которой они знали только мелодию и первые три слова. Я знал эту мелодию ещё в детстве, но она давно уже вылетела у меня из головы. Прошлой ночью, однако, она вернулась ко мне во сне. И более того, слова песни тоже вернулись – слова, я уверен, которые пелись животными давным – давно и были потеряны в памяти поколений. Сейчас я спою вам эту песню, товарищи. Я стар, и голос у меня хриплый, но когда я научу вас этой мелодии, вы сможете петь её лучше. Она называется «Скот английский».

Старый Майор откашлялся и запел. Как он и говорил, голос у него был хриплый, но пел он достаточно хорошо, и это была волнующая мелодия, что – то среднее между «Клементиной» и «Кукарачей». Слова бежали сами собой:

Скот английский, скот ирландский,
Скот из всех краёв и стран,
Расскажу свои виденья
О грядущих временах.

Скоро ль, поздно ль день наступит,
Будет свергнут человек,
И на нивах плодородных
Загуляет вольный скот.

Из носов исчезнут кольца,
Спадёт упряжь с наших спин,
Шпоры, узды заржавеют,
И сгниёт жестокий хлыст.

Много больше, чем представишь,
Свёкла, рожь, овёс, ячмень,
Сено, брюква и пшеница, —
Станет нашим в этот день.

Засияют наши нивы,
Легче станет бег воды,
Слаще бриз подует с моря
Как придёт свободы день.

Для него должны трудиться,
Хоть умрем мы до того;
Куры, лошади и гуси,
Все трудитесь для него.

Скот английский, скот ирландский,
Скот из всех краёв и стран,
Расскажу свои виденья
О грядущих временах.

Пение этой песни привело животных в дикое возбуждение. Ещё до того, как Майор дошёл до конца, они стали подпевать. Даже самые глупые из них подхватили мелодию и запомнили несколько слов, а самые умные, такие как свиньи и собаки, за несколько минут выучили всю песню наизусть. А затем, после нескольких предварительных попыток, вся ферма хором запела «Скот английский». Коровы мычали, собаки скулили, овцы блеяли, лошади ржали, утки кричали. Они были так восхищены песней, что пропели её пять раз подряд и могли бы петь всю ночь, если бы их не прервали.

К несчастью, шум разбудил мистера Джонса, который вскочил с постели, уверенный, что во двор проникла лиса. Он схватил ружьё, которое всегда стояло в углу его спальни, и выпустил заряд шестого калибра в темноту. Дробины впились в стену сарая, и собрание поспешно

прекратилось. Все разбежались по своим углам. Птицы вскочили на свои насесты, животные улеглись на солому, и вся ферма мгновенно уснула.

Глава II

Три ночи спустя старый Майор мирно скончался во сне. Его тело было похоронено у фруктового сада.

Это было в начале марта. В течение следующих трех месяцев велась активная тайная деятельность. Речь Майора дала более умным животным на ферме совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда произойдет предсказанное Майором восстание, у них не было причин думать, что оно произойдет в течение их собственной жизни, но они ясно видели, что их долг – подготовиться к нему. Работа по обучению и организации других, естественно, легла на свиней, которые были признаны самыми умными из животных. Среди свиней особенно выделялись два молодых кабана – Снежок и Наполеон, которых мистер Джонс растил для продажи. Наполеон был крупным, довольно свирепым на вид беркширским кабаном, единственным беркширцем на ферме, не очень разговорчивым, но с репутацией умеющего добиться своего. Снежок был более живым кабаном, чем Наполеон, более быстрым в речи и более изобретательным, но считался легкомысленным. Остальные свиньи на ферме были еще поросятами. Самым известным среди них был маленький жирный поросёнок по кличке Визгун, с очень круглыми щеками, блестящими глазами, проворными движениями и пронзительным голосом. Он был блестящим говоруном, у него была манера, когда он спорил о каком –нибудь трудном вопросе, прыгать из стороны в сторону и вилять хвостом, что было как – то очень убедительно. О Визгуне говорили, что он может превратить чёрное в белое.

Эти трое развили учение старого Майора в законченную систему мысли, которую они называли анимализмом. Несколько ночей в неделю, после того как мистер Джонс засыпал, они тайно собирались в сарае и излагали остальным принципы анимализма. Вначале они столкнулись с невежеством и апатией. Некоторые животные говорили о долге верности мистеру Джонсу, которого они называли «хозяином», или делали элементарные замечания, такие как «мистер Джонс кормит нас. Если бы он ушел, мы бы умерли с голоду». Другие задавали такие вопросы, как «почему мы должны заботиться о том, что произойдет после нашей смерти?» или «если это восстание всё равно произойдет, какая разница, будем ли мы работать на него или нет?», и свиньям было очень трудно заставить их понять, что это противоречит духу анимализма. Самые глупые вопросы задавала Молли, белая кобыла. Самый первый вопрос, который она задала Снежку, был: «останется ли сахар после восстания?»

– Нет, – твердо сказал Снежок. – У нас на ферме нет средств для производства сахара. Кроме того, тебе не нужен сахар. У тебя будет столько овса и сена, сколько захочешь.

– И мне по – прежнему разрешат носить ленточки в гриве? – спросила Молли.

– Товарищ, – сказал Снежок, – эти ленты, которым ты так предана, – символ рабства. Неужели ты не понимаешь, что свобода стоит больше, чем ленты?

Молли согласилась, но её слова прозвучали не слишком убедительно.

Ещё труднее свиньям было противостоять лжи, распространяемой Моисеем, ручным вороном. Моисей, любимец мистера Джонса, был шпионом и сплетником, но в то же время умным собеседником. Он утверждал, что знает о существовании таинственной страны под названием Леденцовая гора, куда все животные отправляются после смерти. Она расположена где – то высоко в небе, немного за облаками, говорил Моисей. На Леденцовой горе семь дней в неделю было воскресенье, круглый год цвёл клевер, а на изгородях росли кусковой сахар и льняной жмых. Животные ненавидели Моисея за то, что он рассказывал сказки и не делал никакой работы, но некоторые из них верили в Леденцовую гору, и свиньям пришлось очень постараться, чтобы убедить их, что такого места нет.

Самыми верными их учениками были две лошади – Боксёр и Клевер. Этим двоим было очень трудно что – либо придумать самим, но, однажды признав свиней своими учителями,

они впитывали всё, что им говорили, и передавали это другим животным при помощи простых аргументов. Они неизменно присутствовали на тайных собраниях в сарае и руководили пением «Скота английского», которым собрания всегда заканчивались.

Как оказалось, восстание произошло много раньше и легче, чем кто – либо ожидал. В прошлые годы мистер Джонс, хотя и был суровым хозяином, был способным фермером, но в последнее время для него наступили плохие дни. Он очень расстроился, потеряв деньги в судебной тяжбе, и запил. Целыми днями он бездельничал в своем виндзорском кресле на кухне, читал газеты, пил и время от времени кормил Моисея хлебными корками, смоченными в пиве. Его работники были ленивы и нечестны, поля были полны сорняков, здания нуждались в кровле, живые изгороди были запущены, а животные недоедали.

Наступил июнь, и сено было почти готово к покосу. В канун летнего солнцестояния, то есть в субботу, мистер Джонс отправился в Виллингдон и так напился в «Красном Льве», что вернулся только в воскресенье в полдень. Ранним утром работники подоили коров, а потом ушли ловить кроликов, не потрудившись покормить животных. Когда мистер Джонс вернулся, он сразу же уснул на диване в гостиной, закрыв лицо газетой, так что когда наступил вечер, животные всё ещё не были накормлены. Наконец они больше не смогли этого вынести. Одна из коров рогом выломала дверь сарая, и животные стали выбегать из загонов. И тут мистер Джонс проснулся. В следующее мгновение он и четверо его людей уже были в сарае с хлыстами в руках, размахивая ими во все стороны. Это было больше, чем могли вынести голодные животные. Единодушно, хотя ничто подобное заранее не планировалось, они бросились на своих мучителей. Джонс и его работники внезапно обнаружили, что их бодают и пинают со всех сторон. Ситуация вышла из – под их контроля. Они никогда раньше не видели, чтобы животные вели себя подобным образом, и это внезапное восстание тварей, которых они привыкли избивать и мучить по своему усмотрению, напугало их почти до полусмерти. Через минуту или две они оставили попытки защищаться и бросились наутёк. Через минуту все пятеро уже мчались по проселку, ведущему к главной дороге, а животные с триумфом преследовали их.

Миссис Джонс выглянула из окна спальни, увидела, что происходит, торопливо побросала кое – какие пожитки в сумку и выскользнула с фермы другим путем. Моисей спрыгнул со своего насеста и с громким карканьем полетел за ней. Тем временем животные выгнали Джонса и его людей на дорогу и захлопнули за ними ворота с пятью засовами. И вот, прежде чем они поняли, что происходит, восстание было успешно завершено: Джонс был изгнан, и ферма «Усадьба» стала их собственностью.

Первые несколько минут животные с трудом верили в свою удачу. Сначала они галопом проскакали вдоль всей фермы, словно желая убедиться, что на ней не прячется ни один человек, а затем помчались обратно к хозяйственным постройкам, чтобы стереть последние следы ненавистного правления Джонса. Кладовая в конце конюшни была взломана; удила, кольца в нос, собачьи цепи, жестокие ножи, которыми мистер Джонс кастрировал свиней и ягнят, – всё это было сброшено в колодец. Вожжи, поводья, шоры, унижительные торбы были брошены в мусор, горевший во дворе. Как и кнуты. Все животные запрыгали от радости, когда увидели, что плети объаты пламенем. Снежок бросил в огонь также и ленты, которыми обычно украшали гривы и хвосты лошадей в базарные дни.

– Ленты, – сказал он, – должны рассматриваться как одежда, которая является признаком человеческого существа. Все животные должны ходить голыми.

Услышав это, Боксёр схватил маленькую соломенную шляпу, которую носил летом, чтобы мухи не лезли в уши, и бросил её в огонь ко всему остальному.

Очень скоро животные уничтожили всё, что напоминало им о мистере Джонсе. Затем Наполеон отвел их обратно в сарай и раздал всем по двойной порции зерна, а собакам – по две галеты. Потом они семь раз подряд пропели «Скот английский» от начала до конца, а затем устроились на ночь и заснули так, как никогда не спали прежде.

Но они, как обычно, проснулись на рассвете и, внезапно вспомнив о чудесном событии, все вместе побежали на пастбище. В конце пастбища был холм, с которого открывался вид на большую часть фермы. Животные вбежали на его вершину и огляделись при ясном утреннем свете. Да, это принадлежало им – всё, что они могли видеть, было их! В экстазе от этой мысли они скакали круг за кругом, высоко подпрыгивая от возбуждения. Они катались по росе, щипали сладкую летнюю траву, взрывали комьями чёрную землю и вдыхали её густой аромат. Затем они обошли всю ферму и с безмолвным восхищением осмотрели пашню, сенокос, фруктовый сад, пруд, рощу. Казалось, они никогда раньше не видели этих вещей, и даже сейчас они с трудом могли поверить, что все это было их собственным.

Затем они вернулись к хозяйственным постройкам и молча остановились перед дверью дома. Это тоже принадлежал им, но они боялись заходить внутрь. Однако через мгновение Снежок и Наполеон отворили дверь плечами, и животные вошли гуськом, ступая с величайшей осторожностью, чтобы ничего не потревожить. Они ходили на цыпочках из комнаты в комнату, боясь говорить громче шёпота и с благоговейным трепетом глядя на невероятную роскошь, на кровати с пуховыми перинами, на зеркала, на диван из конского волоса, на брюссельский ковер, на литографию королевы Виктории над камином в гостиной. Они как раз спускались по лестнице, когда обнаружили пропажу Молли. Вернувшись, остальные обнаружили, что она осталась в лучшей спальне. Она взяла с туалетного столика миссис Джонс голубую ленту и, прижав её к плечу, глупо любовалась собой в зеркале. Остальные животные единодушно осудили её и затем все вышли на улицу. Несколько окороков, висевших на кухне, были вынесены для погребения, а бочонок пива в буфетной был опрокинут ударом копыта Боксёра, кроме этого в доме ничего не тронули. Тут же на месте было принято единогласное решение, что дом должен быть сохранён как музей. Все согласились, что ни одно животное не должно там жить.

Животные позавтракали, а потом Снежок и Наполеон снова собрали их вместе.

– Товарищи, – сказал Снежок, – уже половина седьмого, и нам предстоит долгий день. Сегодня мы начинаем сенокос. Но есть ещё один вопрос, который необходимо решить в первую очередь.

Тут свиньи рассказали, что за последние три месяца они научились читать и писать по старому букварю, который принадлежал детям мистера Джонса и был выброшен на помойку. Наполеон послал за банками с черной и белой краской и повел их к воротам с пятью засовами, выходящим на главную дорогу. Тогда Снежок (ибо именно Снежок лучше всех писал) зажал кисточку между двумя пальцами передней ножки, замазал слово «Усадьба» на верхней перекладине ворот и на её месте написал «Скотный двор». Так отныне и будет называться ферма. После этого они вернулись к хозяйственным постройкам, где Снежок и Наполеон послали за лестницей, которую приказали приставить к дальней стене большого сарая. Они объяснили, что благодаря исследованиям последних трех месяцев свиньям удалось свести принципы ани-мализма к семи заповедям. Эти семь заповедей будут теперь начертаны на стене; они составят непреложный закон, по которому вечно будут жить все животные на Скотном дворе. С некоторым трудом (ибо свинье нелегко удержаться на лестнице) Снежок взобрался наверх и принялся за работу, а Визгун несколькими ступеньками ниже держал горшок с краской. Заповеди были написаны на просмоленной стене большими белыми буквами, которые можно было прочесть за тридцать ярдов. Они гласили:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. Тот, кто ходит на двух ногах, – это враг.
2. Тот, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, – друг.
3. Ни одно животное не должно носить одежду.

4. Ни одно животное не должно спать в постели.
5. Ни одно животное не должно употреблять алкоголь.
6. Ни одно животное не должно убивать любое другое животное.
7. Все животные равны.

Написано было очень аккуратно, и если не считать того, что «друг» было написано «дург», а одно из «с» было повернуто в другую сторону, то написание было правильным. Снежок прочел текст вслух для остальных. Все животные закивали в полном согласии, и самые умные тотчас же начали учить заповеди наизусть.

– А теперь, товарищи, – крикнул Снежок, бросая кисть, – на сенокос! Дело нашей чести собрать урожай быстрее, чем это могли бы сделать Джонс и его люди.

Но в этот момент три коровы, которые уже давно казались встревоженными, громко замычали. Их не доили уже двадцать четыре часа, и вымя у них почти лопалось. Немного подумав, свиньи послали за ведрами и довольно успешно подоили коров, так как их ножки были хорошо приспособлены к этой задаче. Вскоре рядом с ними стояли пять ведер пенящегося молока, на которое многие животные смотрели с большим интересом.

– А что будет со всем этим молоком? – спросил кто – то.

– Джонс иногда подмешивал его в нашу болтушку – сказала одна из кур.

– Не обращайтесь внимания на молоко, товарищи! – крикнул Наполеон, становясь перед ведрами. – Об этом мы позаботимся. Урожай важнее. Товарищ Снежок пойдёт впереди. Я последую за вами через несколько минут. Вперед, товарищи! Сено ждёт.

И животные гурьбой отправились на сенокос, чтобы начать уборку, а когда вечером вернулись, то заметили, что молоко исчезло.

Глава III

Как они трудились и потели, чтобы убрать сено! Но их усилия были вознаграждены, так как урожай оказался даже большим, чем они надеялись.

Работа была тяжёлой; орудия были предназначены для людей, а не для животных, и большим недостатком было то, что ни одно животное не могло использовать инструмент, который требовал стояния на задних ногах. Но свиньи были так умны, что могли найти выход из всякого затруднения. Что же касается лошадей, то они знали каждый дюйм поля и разбирались в том, как косить и сгребать, гораздо лучше, чем Джонс и его люди. Свиньи фактически не работали, но руководили и контролировали других. При их умственном превосходстве было естественно, что они должны взять на себя руководство. Боксёр и Клевер запрягали себя в косилку или грабли (в те дни, конечно, не требовалось ни удил, ни поводьев) и размеренно ходили по полю, а свинья шла сзади и кричала: «Ну, товарищ!» или «Ссади, товарищ!» в зависимости от обстоятельств. И все животные, вплоть до самых мелких, трудились, переворачивая и собирая сено. Даже утки и куры целый день трудились на солнышке, нося в клювах клочки сена. В конце концов они закончили уборку на два дня раньше, чем обычно требовалось Джонсу и его людям. Более того, это был самый большой урожай, который когда – либо видела ферма. Никаких потерь не было; зоркие куры и утки собрали всё до последнего стебля. И ни одно животное на ферме не украло даже кусочка.

Всё лето работа на ферме шла как по маслу. Животные были счастливы так, как и не могли себе представить. Каждый глоток пищи доставлял истинное наслаждение, теперь, когда это была действительно их собственная пища, произведенная ими самими и для себя самих, а не раздаваемая им ворчливым хозяином. С исчезновением никчёмных паразитических человеческих существ стало больше еды для всех. Стало больше и свободного времени, хоть животные и были неопытны. Они сталкивались со многими трудностями – например, позже, в том же году, когда они собирали зерно, им приходилось топтать его по – старинному и сдвигать мякину своим дыханием, так как на ферме не было молотилки, – но свиньи с их умом и Боксёр с его огромными мускулами со всем справились. Боксёр был предметом всеобщего восхищения. Даже во времена Джонса он был усердным работником, но теперь он работал за троих; бывали дни, когда вся работа на ферме ложилась на его могучие плечи. С утра до вечера он толкал и тянул, всегда оказываясь там, где работа была тяжелее всего. Он договорился с одним из петушков, что тот будет будить его по утрам на полчаса раньше, чем других, чтобы он мог добровольно поработать там, где всего нужнее, до начала рабочего дня. Его ответ на каждую проблему, на каждую неудачу был: «Я буду работать ещё усерднее!» – и он принял его в качестве личного девиза.

Но и все работали в соответствии со своими способностями – например, куры и утки сберегли на жатве пять бушелей зерна, собрав отдельные зернышки. Никто не воровал, никто не ворчал по поводу своего пайка, ссоры, свары и ревность, которые были нормальными чертами жизни в прежние дни, почти исчезли. Никто не уваливал – или почти никто. Молли, правда, не любила вставать по утрам и имела обыкновение рано уходить с работы, потому что у неё в копыте застревал камень. И поведение кошки было несколько странным. Вскоре было замечено, что, когда нужно было что – то сделать, кошку никогда не находили. Она исчезала на несколько часов, а потом снова появлялась во время еды или вечером после работы, как будто ничего не случилось. Но она всегда находила такие прекрасные оправдания и так ласково мурлыкала, что невозможно было не поверить в её добрые намерения. Старый Бенджамин, осел, казалось, совершенно не изменился со времен восстания. Он выполнял свою работу так же медленно и упрямо, как и во времена Джонса, никогда не уклоняясь, но и не вызываясь на дополнительную работу. О восстании и его результатах он не высказывал никакого мне-

ния. Когда его спрашивали, не стал ли он счастливее после ухода Джонса, он отвечал только: «Ослы живут долго. Никто из вас никогда не видел мертвого осла», – и остальным приходилось довольствоваться этим загадочным ответом.

По воскресеньям не работали. Завтрак был на час позже обычного, и после завтрака происходила церемония, которая соблюдалась каждую неделю в обязательном порядке. Сначала поднимали флаг. Снежок нашел в кладовке старую зелёную скатерть миссис Джонс и нарисовал на ней белой краской копыто и рог. Её поднимали на флагшток в саду фермерского дома каждым воскресным утром. Флаг был зелёный, объяснил Снежок, потому что символизирует зелёные поля Англии, а копыто и рог означают будущую Республику Животных, которая возникнет, когда человечество будет окончательно свергнуто. После поднятия флага все животные толпой направлялись в большой сарай на общее собрание, которое называлось митингом. Здесь намечалась работа на предстоящую неделю, выдвигались и обсуждались резолюции. Резолюции всегда вносились свиньями. Другие животные умели голосовать, но никогда не могли придумать никаких собственных решений. Снежок и Наполеон были самыми активными участниками дебатов. Но было замечено, что эти двое никогда не соглашались друг с другом: какое бы предложение ни сделал один из них, можно было спорить, что другой воспротивится ему. Даже когда было решено – а против этого никто не мог возразить – выделить небольшой загон за фруктовым садом в качестве места отдыха для животных, которые уже не работали, разгорелся бурный спор о правильном возрасте выхода на пенсию для каждого класса животных. Собрание всегда заканчивалось пением «Скота английского», и послеобеденное время было отдано отдыху.

Помещение, где хранилась упряжь, свиньи превратили в свою штаб – квартиру. Здесь по вечерам они учились кузнечному, плотницкому делу и другим необходимым искусствам по книгам, которые приносили из дома. Снежок, кроме того, занялся организацией других животных в то, что он называл комитетами животных. В этом он был неутомим. Он создал Комитет по производству яиц для кур, Лигу чистых хвостов для коров, Комитет по перевоспитанию диких товарищей (целью которого было приручение крыс и кроликов), движение За более белую шерсть для овец и многие другие, кроме того, он ввел занятия по чтению и письму. В целом эти проекты оказались провальными. Попытка приручить диких животных, например, провалилась почти сразу. Они продолжали вести себя почти так же, как и раньше, и когда с ними обращались великодушно, просто пользовались этим. Кошка вступила в Комитет по перевоспитанию и несколько дней была очень активна в нём. Однажды её видели сидящей на крыше и разговаривающей с несколькими воробьями, которые были вне её досягаемости. Она говорила им, что теперь все животные – товарищи и что любой воробей, который захочет, может подойти и сесть ей на лапу, но воробьи держались на расстоянии.

Уроки чтения и письма, однако, прошли с большим успехом. К осени почти все животные на ферме были в той или иной степени грамотны.

Что же касается свиней, то они уже прекрасно умели читать и писать. Собаки научились читать довольно хорошо, но не интересовались ничем, кроме семи заповедей. Коза Мюриэль читала несколько лучше собак и иногда по вечерам читала остальным газетные обрывки, которые находила в мусорной куче. Бенджамин умел читать не хуже любой свиньи, но никогда не проявлял своих способностей. Насколько ему известно, сказал он, там нет ничего, что стоило бы читать. Клевер выучила весь алфавит, но не могла складывать слова. Боксёр не пошёл дальше буквы Г. Он выводил в пыли большим копытом буквы А, Б, В, Г, а потом стоял, прижав уши, и смотрел на буквы, иногда встряхивая чубом, изо всех сил стараясь вспомнить, что будет дальше, но безуспешно. Правда, несколько раз ему удавалось выучить Д, Е, Ж, З, но к тому времени, как он их узнавал, обнаруживалось, что он забыл А, Б, В, Г. В конце концов он решил довольствоваться первыми четырьмя буквами и писал их раз или два в день, чтобы освежить их в памяти. Молли отказывалась учить что – либо, кроме букв, из которых складывалось её

собственное имя. Она очень аккуратно складывала их из веточек, а потом украшала одним – двумя цветочками и ходила вокруг, любуясь.

Ни одно другое животное на ферме не смогло пройти дальше буквы А. Было также обнаружено, что более глупые животные, такие как овцы, куры и утки, не могли выучить семь заповедей наизусть. После долгих раздумий Снежок объявил, что семь заповедей в действительности можно свести к одной максиме, а именно: «четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо». В этом, по его словам, и заключается основной принцип анимализма. Тот, кто полностью овладел им, будет в безопасности от человеческого влияния. Птицы сначала возражали, так как им казалось, что у них тоже есть две ноги, но Снежок доказал им, что это не так.

– Птичье крыло, товарищи, – сказал он, – это орган движения, а не манипуляции. Поэтому его следует рассматривать как ногу. Отличительной чертой человека является рука, орудие, с помощью которого он совершает все свои злодеяния.

Птицы не поняли длинных слов Снежка, но приняли его объяснение, и все более смиренные животные принялись за работу, чтобы выучить новую сентенцию наизусть. ЧЕТЫРЕ НОГИ – ХОРОШО, ДВЕ НОГИ – ПЛОХО, было начертано на торцевой стене сарая, над семью заповедями и ещё более крупными буквами. Выучив наизусть, овцы очень полюбили эту сентенцию, и часто, лежа в поле, все вместе начинали блеять: «четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо! Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо!» и так часами напролет, не уставая от этого.

Наполеон не проявлял никакого интереса к комитетам Снежка. Он сказал, что воспитание молодежи важнее всего того, что можно сделать с взрослыми. Случилось так, что Джесси и Блюбелл ощенились вскоре после сенокоса и родили девять крепких щенков. Как только они были отняты от груди, Наполеон забрал их от матерей, сказав, что берёт на себя ответственность за их воспитание. Он поместил их на чердаке, куда можно было попасть только по лестнице из кладовки, и держал там в таком уединении, что вся ферма вскоре забыла об их существовании.

Тайна того, куда делось молоко, вскоре прояснилась. Его каждый день подмешивали в свиное месиво. Ранние яблоки уже поспевали, и трава в саду была усеяна падалицей. Животные, как само собой разумеющееся, предполагали, что всё это будет поделено поровну; однако в один прекрасный день был отдан приказ собрать всю падалицу и отнести в сарай для свиней. При этих словах некоторые животные зашептались, но это было бесполезно. Все свиньи были полностью единодушны в этом вопросе, даже Снежок и Наполеон. Визгун был послан, чтобы сделать необходимые разъяснения для остальных.

– Товарищи! – воскликнул он. – Надеюсь, вы не думаете, что мы, свиньи, делаем это из эгоизма и ради привилегий? Многие из нас даже не любят молоко и яблоки. Я и сам их не люблю. Наша единственная цель, когда мы берём эти вещи, – сохранить наше здоровье. Молоко и яблоки (это доказано наукой, товарищи) содержат вещества, совершенно необходимые для благополучия свиньи. Мы, свиньи, умственные работники. Всё управление и организация этой фермы зависят от нас. День и ночь мы следим за вашим благополучием. Ради вас мы пьём это молоко и едим эти яблоки. Вы знаете, что случится, если мы, свиньи, не выполним свой долг? Джонс вернётся! Да, Джонс вернётся! Неужели, товарищи, – почти умоляюще воскликнул Визгун, прыгая из стороны в сторону и крутя хвостом, – неужели среди вас есть кто – то, кто хотел бы увидеть, как Джонс возвращается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.